

П.А. Кузнецов

18+

**Исследование
взаимоотношений
в Российской Армии**

2-ое ИЗДАНИЕ

Павел Кузнецов
Исследование
взаимоотношений в
Российской Армии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37498170
SelfPub; 2018*

Аннотация

Армия так или иначе проникает в жизнь каждой семьи, подобно вопросу высшего образования, а вот информации о реальных отношениях в ней и их причинах почти не встретишь. Если вам надоели отрывочные факты и дешёвые страшилки об армии, и вы действительно хотите ПОНЯТЬ, что ждёт в ней вас или ваших детей, то имеет смысл заглянуть в данную книгу. В работе над книгой автор опирался на свои аналитические навыки и на собственный опыт службы по призыву на Северном Кавказе, так что здесь нет ни слова вымысла и ни одного лишнего мазка, книга даёт полную и исчерпывающую картину армии на её глубинном уровне. 2-ое издание, переработанное и дополненное.

Содержание

Что нового во втором издании?	5
Как читать эту книгу	8
Предисловие	13
Библия	21
Часть I. Особенности подхода	22
Научный подход	23
Социальные законы	27
Методы логической социологии	32
Мой эксперимент	38
Логическая структура работы	41
Часть II. Основы армейской жизни	47
Приказ	47
Иерархия	50
Особенности структуры армии	69
Коллектив	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Автор искренне благодарен сослуживцам Рыбалко Дмитрию и Тельянову Павлу за ценные идеи и душевное обсуждение наболевших вопросов армейской жизни.

Александрову Андрею спасибо за бережное отношение к очеркам, многие из которых сохранились лишь благодаря его участию.

Отдельное спасибо Гришину Роману, первому въедливому читателю, за мысль, что армия ломает не всех, – ведь в некоторых элементарно нечему ещё ломаться.

Эта работа вряд ли родилась бы и без Ченцова Александра Владимировича, учителя и единственного близкого человека, поддержавшего моё стремление пойти служить. Ну и, конечно, спасибо сестричке Дарье и родителям за моральную поддержку во время службы.

Что нового во втором издании?

Основная структура и большинство выводов в новой редакции книги остались без изменения. Произошла своего рода «шлифовка» повествования, заполнение некоторых фактических и логических каверн, ставших понятными автору с течением времени.

Новое издание дополнено главами: «Так что же такое дедовщина?», «Один или два коллектива», «Факторы, усиливающие коммунальные отношения в армии», «Деды как политики», «Несколько слов о причинах роста дедовщины в позднем СССР», а также раздел «Новая реформа. Работа над ошибками».

Отмеченные в новых главах моменты призваны правильно расставить акценты предыдущего изложения. Некоторые из них также вводят в исследование новые обстоятельства, на которых автор изначально не останавливался, ну а некоторые банально ускользнули от внимания автора, однако впоследствии были выявлены и внесены в повествование.

Глава о причинах роста дедовщины в позднем СССР родилась благодаря переписке с читателем Бешметовым Маратом, давно задававшимся этим вопросом. Его мотивы были отнюдь не научными, но Марату удалось зародить сомнение в душе автора, а где сомнение – там и творческий поиск. В результате всестороннего осмысления проблемы ав-

тор пришёл к совершенно неожиданным выводам. Так, удалось выйти на один из истоков кризиса советского коммунизма на глубинном, скрытом от постороннего взгляда уровне общества. Более того, через этот вывод нашла неожиданное подтверждение общая теория кризиса советского общества за авторством А.А. Зиновьева.

В связи с внесёнными в книгу новыми главами потребовалось несколько видоизменить структуру повествования ряда существующих глав, дополнить их, либо изменить акценты. Дополнения были внесены в следующие главы: «Как читать эту книгу», «Важнейшая особенность дедовщины», «Критика обывательского подхода к дедовщине», «Порядок в советской армии». Наконец, ряд изменений носит технический или лексический характер, и на них нет смысла останавливаться особо. Так, было изменено название главы «Положение рядовых в армии» на «Очерк дедовщины и уставщины».

Особенно следует остановиться на введённой в конце книги главе «Новая реформа. Работа над ошибками». Эта глава появилась сравнительно поздно, в 2016-2017 годах, под впечатлением от результатов последней реформы армии. Автор в ней признаёт несколько неучтённых при проведении исследования обстоятельств, сыгравших, в целом, на благо армии. Читатель должен понимать, что автор при написании книги исходил из конкретной существовавшей на момент написания книги социальной реальности, поэтому и выводы делал, исходя из этой самой реальности. В тех усло-

виях сложно было представить масштаб и радикальность изменений, на которые впоследствии решилась российская власть. Речь идёт о небывалом в истории расширении института контракта, существенном повышении довольствия кадровых военнослужащих, изменении подхода к отбору в число контрактников. Также на момент написания работы сложно было помыслить, что власть сделает обучение военнослужащих срочной службы почти поголовным – теперь необученный срочник оказывается такой же белой вороной, какой в недалёком прошлом был прошедший учебку солдат. С учётом набора на контракт серьёзных мужиков, без ветра в голове и гормонов в теле, это привело к росту профессионализма в армии. Хочу отметить: не контракт как таковой, а обучение и особый подход к комплектованию личного состава контрактников привели к росту профессионализма. На такую возможность автор указывал в выводах, но в то время это было чем-то абстрактным, казалось нереальным. Необходимость разделения понятия «контрактная армия» и «профессиональная армия» приходилось отстаивать, в головах большинства теоретиков эти понятия никак не желали разделяться. Не может не радовать, что здравый смысл всё же возобладал.

Как читать эту книгу

Как вы уже, должно быть, заметили, книга эта об армии. Но о какой армии и в каком разрезе? В целом эта книга представляет вашему вниманию срез армейской жизни современной российской армии по состоянию на 2004 – 2005 годы. Именно в это время ваш покорный слуга имел счастье служить в ней. Это было время, когда очередная реформа вооружённых сил только начиналась. Ещё действовали старые отсрочки. Ещё существовало разделение на тех, кто служит 2 года, и тех, кто, окончив гражданский вуз, служит лишь 1 год. Теперь все служат по 1 году. Ещё только начинался ажиотаж по поводу перевода армии на контрактную основу. У нас в армии этот ажиотаж выразился в том, что в часть пришла установка: столько-то бойцов в добровольно-принудительном порядке перевести на контракт и отправить в контрактные части Ингушетии и Северного Кавказа.

Но ведь теперь армия другая, скажете вы, как можно по армии старой судить об армии новой? На самом деле, вооружённые силы у нас реформируют с момента разрушения СССР, и по сей день – это уже стало привычным состоянием армии. Но все эти реформы не меняют глубинных отношений в армии, влияя лишь на «выпячивание» той или иной их составляющей. Скажем, предпоследней реформе, за счёт перевода на годичную службу и первых несмелых попыток со-

здать институт контракта, удалось несколько надломить пре-
емственность при дедовщине. Последняя же реформа доло-
мала начатое предыдущей, и выпятила на первый план про-
фессионализм – за счёт обучения почти всех призывников
воинской специальности и реального перевода наиболее бое-
способной части армии на контракт. Однако ни одна из ре-
форм не сможет исключить из войск жёсткую иерархию и
образование в подразделениях коллективов.

Кроме того, в книге предпринимаются попытки сравне-
ния современной российской армии с армиями западных го-
сударств, армиями прошлого, с советской армией и даже с
армией Российской Империи. Причём сравнения эти произ-
водятся применительно к глубинным закономерностям ар-
мейской жизни. Так, в книге можно найти ответ на вопрос,
почему американская армия бунтует и оказывается парали-
зованной, если в неё своевременно не завезут пластиковые
туалеты, а российские солдаты вообще могут обходиться без
оных, а также множество других интересных казусов.

Из книги можно извлечь и ряд практических рекомен-
даций по улучшению армейской жизни, но в целом книга
не посвящена тому, как должно быть. Она посвящена тому,
что реально есть (было). Это не проект идеальной армии и
не прогноз её развития. Однако тем, кто намерен посвятить
жизнь службе, а также тем, кто хочет сделать службу в армии
более гуманной, книга будет очень и очень полезна: как ми-
нимум она очертит пределы, в которых возможны улучше-

ния.

Определённый интерес для читателя будут представлять и мои прогнозы относительно предпоследней реформы армии. Закончилась она достаточно плачевно, увольнением всех поспешно набранных на контракт военных, и плавно перетекла в новую, последнюю на текущий момент реформу. Изначально во втором издании я планировал вообще убрать эти прогнозы, но по здравом размышлении всё же решил их оставить. Во-первых, мне в своё время доводилось выступать с этими прогнозами перед научным сообществом и, хочется надеяться, что они сыграли какую-то роль в осознании ситуации в армии современной властью и стали одним из тех ручейков мысли, которые составляют понятие «интеллект власти». Во-вторых, даже если выводы эти и не дошли до власти имущих, они объясняют, почему была частично свёрнута предпоследняя реформа, а последняя приняла тот вид, который она приняла. Более подробно про последнюю реформу можно прочесть в главе «Новая реформа. Работа над ошибками».

Сразу хотел бы извиниться перед въедливым и глубоким читателем: в книге случаются повторы. Они здесь возникли из-за особенностей стиля написания. Дело в том, что книга состоит из очерков по конкретному узкому вопросу, объединённых в единое целое логической последовательностью тем. Каждый очерк (в некоторых случаях группа очерков) представляет собой законченную публицистическую статью

или отдельную законченную мысль. Чтобы очерк стал законченной самостоятельной смысловой единицей, иногда приходилось повторять уже сказанное в предыдущих очерках. Зато и читать книгу стало проще: можно начать с любой главы. Хотя я и не рекомендую злоупотреблять игнорированием заданной автором логической последовательности.

Книга эта довольно сложна, и требуется определённого усилия мысли для понимания изложенных в ней положений. Если начать читать её с очерков, изложенных в 3-й, 4-й и 5-й частях, многое будет непонятно. Изначально в первом, печатном, издании, очерки начинались с 4-ой части, но для электронной книги автор произвёл некоторую рокировку глав, и бывшая 3-ая часть была перенесена в самый конец. Она теперь называется: «Приложение. Основы логической социологии». Это было сделано, чтобы читатель в ознакомительном фрагменте мог ознакомиться и с очерками, которые при прошлой компоновке все оказывались в платной части. Таким образом, самым правильным будет следующая схема чтения: сначала читаются 1-ая и 2-ая части, затем «Приложение...», и только потом, собственно, очерки. Это связано с тем, что в этих разделах содержится расшифровка основных терминов и базовые понятия социологической теории, которой автор пользуется для объяснения явлений армейской жизни. С другой стороны, если столкнётесь с некоторыми трудностями в понимании этих абстрактно теоретических разделов, можно начать со второй части и очерков,

и только затем вернуться к теории – набравшись примеров «из жизни», её понять значительно проще. Но в этом случае начинать необходимо не с третьей, а именно со второй части, даже если и почувствуете некоторые затруднения в её понимании. Заверяю читателя, что любое недопонимание после прочтения последующих частей с очерками будет устранено.

Читателю, которому хорошо известна логическая социология Александра Александровича Зиновьева, можно смело начинать чтение сразу со второй части, игнорируя «Приложение...». Хотя чтение теоретических разделов также будет не лишним, ведь я привёл в них не все положения этой социологии, а лишь те из них, которые необходимы для понимания данной книги, то есть построил определённую систему допущений применительно к конкретному исследованию. Кроме того, лишнее повторение, как явствует из небезызвестной народной мудрости, никому ещё не помешало.

Ну, в добрый путь, дорогие читатели.

Предисловие

Армия занимает огромное место в жизни общества. Она так или иначе выходит на все остальные социальные институты, переплетаясь с ними и проникая в них. Армия проникает также и в жизнь каждого человека, так как перед ним рано или поздно встаёт вопрос: служить или не служить, – или этот вопрос возникает в отношении детей. Поэтому люди, как и в случае с образованием, вынуждаются уже самим фактом существования армии решать вопрос службы в ней.

Тот факт, служил человек в армии или нет, влияет на возможности его трудоустройства. После прохождения службы эти возможности колоссально расширяются, причём, даже перед не имеющим опыта работы и связей человеком открываются гораздо большие возможности, нежели до армии.

Служба влияет и на отношение к человеку окружающих. Даже мужики в годах начинают воспринимать отслужившего парня не неоперившимся пацаном, но уже зрелым, пусть и молодым, мужчиной. В любой компании отношение к такому человеку сразу меняется. А если они ещё узнают, что парень не просто служил, но служил на КАВКАЗЕ, то станут уважать уже за одно это и относиться к нему с осторожностью.

В итоге для человека вопрос службы в армии складывается в запутаннейший узел. Здесь переплетаются проблема

трудоустройства, проблема отношения окружающих, проблема совести (как смотреть людям в глаза, «отмазавшись» от армии); даже если удалось «отмазаться», постоянно будешь трястись, опасаясь, что правила приёма в армию изменятся, и все равно попадёшь в число подлежащих призыву. Этот узел можно разрубить одним единственным действием: добровольно пойти служить.

До армии человек будет опасаться, что его могут в любой момент забрать служить, поэтому не сможет полноценно планировать свою жизнь. Если же решение служить осознанно, оно становится элементом планирования своего будущего. После службы к тебе уже не будет никаких вопросов, только позитивное отношение окружающих, государства и чистая совесть.

Можно, конечно, «отмазаться» наверняка. Например, получить судимость или белый билет психически ненормального человека. Но эти крайние способы могут сыграть с человеком дурную шутку и рано или поздно поставят социальную подножку, не позволив продвинуться по карьерной лестнице, попасть на желаемую работу или даже просто затруднив получение оружия или прав. Служба же в армии в будущем никогда не сыграет против, наоборот, может стать тем последним аргументом «за», который решит исход дела. Обычно принимающие кадровые решения люди по опыту знают, что отслуживший в армии человек имеет больший жизненный опыт и будет более дисциплинированным и са-

моотверженным в работе.

Я говорю всё это не с целью пропаганды службы в армии. Хотим мы того или нет, но всё, сказанное здесь, имеет место быть. Естественно, такой «ажиотаж» вокруг службы в армии появился не сам по себе: его всячески внедряет и поддерживает государство и, надо отдать ему должное, весьма успешно. Но причина не только в политической воле, ведь в частных структурах карьерные решения принимаются независимо от государства. Дело ещё и в психологических особенностях, которые достаются каждому отслужившему в армии, и в том, что любой человек в своей жизнедеятельности постоянно встречается с другими отслужившими, которые в той или иной степени оценивают людей именно по тому, служили они или нет.

Армия является особой самодовлеющей сферой общества, тесно связанной с государством, но не ограничивающейся связями только с ним одним. Достаточно отметить, что существование армии вносит огромный вклад в экономику общества как через использование солдат на производствах и стройках, так и через влияние на научно-технический прогресс (большинство важнейших открытий идёт именно из военной отрасли), внедрение военных технологий в гражданскую жизнь, а равно через публичные «шоу», показ действия военных технологий широкой публике. В политической сфере показательные акции с использованием армии стали обычным явлением. В идеологии вопрос армии

также стоит на одном из первых мест: по силе армии судят о государстве и обществе. Армия, таким образом, является поистине неотъемлемой частью общества, жизни общества и каждого отдельного человека в обществе. Связь эта устанавливается по тысячам и тысячам линий, ручейков и ниточек. В итоге мы вообще не можем представить себе жизнь общества без армии даже на бытовом уровне.

Очевидно, что столь огромная роль армии и службы в армии для человека и общества чем-то продиктована и имеет под собой содержательную почву. Но армия является закрытым от любых посторонних её глаз учреждением. Узнать специфику её социальной организации снаружи крайне сложно. Прошедшие же армию либо не расположены говорить на эту тему, либо просто не знают, что сказать, причём, и те и другие отделиваются обычно изречениями типа: «Делать там нечего» или «Чего о ней говорить? Когда попадёшь, узнаешь». Большинство же научных работников к современной армии никакого отношения не имеют. Они просто не знают, что она собой представляет, хотя и пишут о ней многочисленные статьи, считая, что они могут её понять, не выходя из своего кабинета и руководствуясь впечатлениями офицеров или социальной статистикой, в том числе порождаемой самими армейскими учреждениями. Но офицеры кое-чего не расскажут, кое-чего не знают сами, ведь служба офицера и солдата здорово отличаются. Социальная же статистика малоэффективна ввиду уже одного того, что во-

просы её создают люди, имеющие мало общего с армией или не имеющие представления о реальной социальной организации не то что общества, но даже армии, в которой служат. Ответы на вопросы также дают люди, которым свойственно обманывать, поддавать под чужое влияние, вынуждающее их говорить неправду. Они могут заблуждаться, могут вообще не замечать очевидного. Кроме того, сами учёные могут неверно интерпретировать даже вполне правдивые факты и выводы. В результате напрочь отсутствует мало-мальски серьёзное исследование социальной организации армии. Ответ на вопрос «Как живут люди в армии?» можно найти только в боевиках или фантастике (некоторые писатели сами прошли через армию и как люди с особым складом ума кое-что заметили), и то только отдельные его элементы в массе иных явлений. В общем, отсутствует систематизированное представление об армии.

И всё это притом, что ежегодно тысячи людей уходят служить и увольняются со службы, а сам этот институт существует с незапамятных времён.

Препятствуют прояснению вопроса и идеология с политикой. Да и уровень понимания социальных явлений в современной России вообще оставляет желать лучшего. Здесь надо учитывать, что знать что-то вовсе не означает это что-то понимать. Так, все люди знают, что самолёт летает, но вот понимание причин и закономерностей, обеспечивающих полёт, свойственно немногим (для этого надо знать особенно-

сти двигателей, иного оборудования, топлива, аэродинамики, окружающей среды и т.д., и т.п.). То же самое имеет место и для большинства явлений общества, армия здесь лишь одна из иллюстраций. Но в случае с армией добавляется ещё и то, что большинство современных учёных в современной армии вообще не служили, то есть не только не понимают в ней ничего, но ещё и имеют весьма поверхностные знания о ней (то, о чём речь шла выше).

Вполне осознавая ситуацию с вопросом армии сегодня и его актуальность для каждого человека, я счёл своим долгом, как беспристрастный исследователь, попытаться найти ответ на сей вопрос. Тем более что он встал передо мной самим в полный рост: я только что окончил высшее учебное заведение. Рассудив, что единственный способ ответить на мучивший меня вопрос – это отправиться в армию самому, проведя нечто вроде эксперимента, где подопытным кроликом буду я сам, я отправился служить Родине. Так, в полевых условиях, родилась основа настоящего труда.

Получившаяся книга представляет собой совокупность очерков о различных явлениях в жизни армии. Конечно, это не просто отдельные эпизоды, они являются, скорее, отдельными штрихами, в совокупности образующими целостную картину. При этом они логически упорядочены определённым образом, о чём будет сказано далее в соответствующей главе. Очерки условно можно разделить на практические и обобщающие. Практические очерки описывают нюансы ар-

мейской жизни и были написаны в основе своей в армии; обобщающие же очерки писались на основе практических и, по большей части, уже на гражданке.

Длительное время мне не удавалось напечатать данную работу: ни одно издательство не желало работать с неименитым учёным, да и вопрос книги весьма щекотливый. Теперь, накопив достаточно собственных средств, я всё же принял решение о публикации. То, что книга напечатана значительно позже времени написания, не должно смущать читателя: большая часть выводов не имеют срока давности.

Также спешу заверить читателя, что данная книга не претендует на статус истины в последней инстанции. Я вовсе не отрицаю, что некоторые мои выводы спорны. Более того, я призываю читателя к активной критической позиции, чтобы в споре с моими доводами у читателя создалось собственное впечатление – нет, не о книге, а об армии. На первое место в исследовании ставилась именно задача понять самому и дать другим возможность понять и оценить само социальное явление, которому посвящена книга. Именно поэтому в книге перечислено много практических нюансов организации армии, которые дают не столько выводы, сколько материал для них. Если Вы, уважаемый читатель, сочтёте возможным сгруппировать отмеченные факты иначе, чем это сделал автор, то это Ваше право. Данная книга – своего рода призыв к пониманию, а не самодовольное восхваление личности автора, который героем прошёл службу в вооружён-

ных силах и таким же героем и первопроходцем ворвался в социальную науку.

Более того, то, что именно мне довелось впервые предпринять исследование глубинных закономерностей армейской жизни, вызывает у меня не гордость, а боль и недоумение. Для меня этот вопрос звучит так: почему никто в системе власти не удосуживается перед проведением реформ сначала понять, что именно он пытается реформировать и к чему могут привести его действия с армией? Если бы такое исследование провели до меня, а ещё лучше – до начала реформ, я был бы рад за свой народ и своё государство и не стал бы переживать за упущенную пальму первенства в исследовании. Но реформа сменяет реформу, а осмысленности идущих процессов так и не появляется.

Библия

Нашёл на казарменной свалке
Библию в малом формате, –
Точно на свалке материальных искусств
Светоч душевной благодати.

Вы смеётесь над текстом библии,
Но упускаете её душевную суть:
Как бы тебя ни унижали и ни били,
Всё равно выше и лучше будь, -
Она же даст пример и осветит путь.

Часть I. Особенности подхода

Настоящее исследование произведено с использованием методологии науки, разработанной логиком, доктором философских наук Александром Александровичем Зиновьевым. Его подход требует особого «поворота мозгов», выражающегося в использовании специфически научных приёмов исследования и требующего особого угла наблюдения за социальными объектами. Этот подход подразумевает следование логике и элементарному здравому смыслу, которые являются результатом дальнейшего развития так называемой народной мудрости, житейской логики. В данной части я попытаюсь обрисовать основы такого подхода.

Научный подход

В основу настоящей работы лёг научный подход к социальным явлениям. Правда, научные построения оказались несколько разбавлены художественным оттенком в содержании текстов. Но это вовсе не исключило научный характер работы и, соответственно, научный подход к изучаемому вопросу. Поясним, что именно представляет собой научный подход. Это поможет лучше уяснить отсутствие противоречия между художественным оттенком текстов и научным подходом.

Научный подход – есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину и может приводить к заблуждениям. Но его целью является всё-таки истина. Фраза «Платон мне друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Требование беспристрастности в отношении объектов

неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. А в сфере социальных объектов отношение исследователя к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т.д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Так, например, в отношении дедовщины бытует убеждение, что она суть абсолютное зло. Но дедовщина уходит корнями в глубины истории, к старшим и опытным воинам первобытных племён, которые во все времена пользовались уважением молодёжи. Дедовщина – объективная данность, существующая в армии любого государства в той или иной степени и форме. При научном подходе требуется учитывать это как факт и искать не осуждающие её факты, а отмечать, какими глубинными социальными отношениями она обусловлена. Другой вопрос – какова форма проявления дедовщины в конкретном обществе. И никто из властителей и учёных не признаёт в наше время, что крайняя степень жестокости дедовщины является лишь частным проявлением состояния человеческого материала современной России, её идеологии, существующей системы воспитания – то есть глубинное и оголённое проявление той социальной организации, которая возникла в России после разрушения Советского Союза.

Научный подход далее означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально суще-

ствующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков, – это тоже вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется.

Научный подход к объектам предполагает следование правилам логики и методологии науки. Но важно ещё и как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. В тексте настоящей работы можно встретить большое количество частных примеров. Они – дань художественности и упрощению понимания сути рассматриваемых явлений. Из самих этих примеров по правилам логики нельзя вывести обобщения. Так что читателям необходимо помнить, что приведённые примеры являются лишь характерными примерами, а не основаниями выводов и обобщений, в контексте которых они приводятся. Выводы получены при обработке гораздо большего числа фактов, большинство из которых попросту не вошли в работу. Часто в ходе исследования у меня возникали ситуации, когда дополнительных фактов взять попросту неоткуда. Тогда приходилось проверять разрозненные факты или даже один факт с точки зрения обобщений и допущений логической социологии. И если он благополучно выдерживал проверку, то ложился в основу обобщения. Правда в данном случае имело место даже не обобщение, а выведение данного общего суждения об армии из ещё более общих суждений об обществе логической социологии. Та-

кое выведение в логике возможно, но не даёт стопроцентной истинности полученному суждению, давая, однако, высокую степень его вероятности.

Социальные законы

Рассмотрим такое базовое понятие любой науки, как научный закон. Под ним в дальнейшем понимается утверждение науки, обладающее рядом принципиальных особенностей: во-первых, это утверждение истинно лишь в определённых условиях. Во-вторых, в этих условиях оно всегда справедливо. В-третьих, эти условия в реальности почти никогда не соблюдаются до конца и законы принимаются как таковые до тех пор, пока они обеспечивают объяснение и предсказание некоторых явлений реальности. Чаще всего в работах учёных такие условия подразумеваются как само собой разумеющееся, но не оговариваются особо, что создаёт путаницу в понятиях, делает неразрешимыми банальнейшие вопросы и создаёт почву для склонений элементарных явлений в языке науки как революционных открытий.

Нас в данной работе интересует вполне определённая группа научных законов – социальные законы. Социальные законы отличаются от законов неживой и живой дочеловеческой природы прежде всего объектами, к которым они относятся. Они суть законы человеческих объединений, структурирования этих объединений, функционирования взаимоотношений их частей, поведения людей как членов этих объединений и т.п., короче говоря, – законы социальных объектов.

Особенность социальных законов далее состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаём объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т.е. в смысле признания их существования вне исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно – отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции. Применяя эти операции, исследователь должен сам сознание и волю людей рассматривать как объективные свойства особого рода эмпирических объектов, а именно – людей как вполне материальных существ, обладающих такими признаками, как сознание и воля. И эти признаки находятся вне сознания исследователя, не зависят в этом смысле от его сознания и воли.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и просто игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать. Если, например, люди сеют пшеницу на покрытой льдом каменистой почве, о них не скажешь, что они считаются с законами природы. Они наказываются за своё пренебрежение к законам природы (за их нарушение!). Аналогично они наказываются за своё пренебрежение к социальным законам. Нарушение законов бытия не есть их отмена или изменение. Это – поведение, по тем или иным причинам не считающееся с ними.

Возьмём такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже руководящая группа, причём, руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены групп. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела. Они суть независящие от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди изобрели летательные аппараты, позволя-

ющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учёта закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров нарушения законов организации государственности и экономики и негативных последствий нарушений. Это даёт основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом и только в этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Социальные законы универсальны, т.е. одни и те же для

всех времён и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия.

Методы логической социологии

Теперь несколько слов о приёмах исследования социальных объектов. Социальные объекты суть объекты эмпирические. К ним применимы общие методы эмпирических исследований. Но они обладают чертами, отличающими их от других эмпирических объектов. Естественно, что тут имеются свои особенности в отношении способов исследования. Выделим несколько таких особенностей с точки зрения теоретического исследования, т.е. особенностей чисто логических приёмов, для которых не нужно никаких лабораторий и приборов, достаточно лишь мозга и органов чувств отдельного исследователя.

Для исследователя-теоретика не нужны и методы «конкретной» социологии (под ней понимается классическая социология с её статистическими методами), ибо то, что они могут дать ему, может быть известно, стать известным или выяснено чисто логически и без них. Например, ему не надо ломать голову над тем, кто именно будет выбран президентом США, ибо он и без этого заранее знает, что кто-то будет выбран, и кто бы ни был выбран, социальный строй США и тип политической системы от этого не изменятся.

Исследователь-теоретик должен принять как аксиому, что самые глубокие тайны значительных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах здания общества, за кулисами

политической сцены, в секретных учреждениях и в кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни людей. Люди не видят их главным образом потому, что их мозги «повёрнуты» не в ту сторону, что они не хотят видеть очевидное или признать видимое за нечто значительное. Во всех сенсационных разоблачениях неких тайн и скрытых пружин человеческой жизни и истории не было сделано ни одного серьёзного научного открытия. В них вообще истины содержится не больше, чем способен заметить здравомыслящий и непредубеждённый ум в самых заурядных житейских делах.

Современный мир перенасыщен информацией. Всё то, что необходимо для работы ума исследователя-теоретика, имеется в изобилии. И даже при хаотическом и спорадическом ознакомлении с информацией об интересующих его объектах исследователь-теоретик, имеющий на плечах голову с определённым «поворотом мозгов», в состоянии открыть для себя самые глубокие механизмы социальных объектов. В принципе любая достаточно обширная и разнообразная информация об этих объектах содержит в себе материал, необходимый и достаточный для научного подхода к ним.

Работа исследователя-теоретика не есть механически-канцелярская рутинная работа вроде той, какую выполняют бесчисленные специалисты в «конкретной» социологии. Это работа творческая. Она включает в себя пробы наугад, оши-

бочные пути, пересмотр многих мыслимых вариантов, удачу, случайности, отказ от вроде бы найденных решений и т.п. Ему приходится манипулировать в сознании с большим числом объектов и понятий, чтобы получить логически последовательную и согласованную в деталях картину сложной и изменчивой реальности. С этой точки зрения его работа напоминает работу дирижёра большого оркестра. Только он, в отличие от дирижёра, имеет дело не с послушными и поддающимися обучению людьми, а с неподвластными его воле объектами.

В работе исследователя-теоретика далеко не всё поддается организации, упорядочиванию. Но всё же имеются некоторые приёмы и правила, облегчающие его поиски истины. Так, понимание истины крайне затруднено, если вообще возможно, без умения оперировать методами познания специфически социальных объектов. Основные методы логической социологии суть методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. В первом случае имеется в виду не просто сумма определений множества слов, а комплекс взаимосвязанных определений, упорядоченных в единую теоретическую конструкцию, – в своего рода дефинитивную теорию, которая, по идее, должна послужить самым фундаментальным разделом социологии. Задача её – определить сферу объектов, подлежащих исследованию. Тут исследователь принимает сознательно волевое решение выделить эти объекты и в дальнейшем не выходить за эти

рамки, не искать какие-то более глубокие закономерности, причины, основы и т.п. интересующих его объектов, чем те, которые описываются в логической социологии. В ней описываются самые глубокие основы социальных механизмов. Эти основы не есть нечто, спрятанное в секретных учреждениях и документах, вознесённое на высшие высоты социальной иерархии или утопленное в неких толщах народной жизни. Они суть нечто в высшей степени будничное, обыденное и вроде бы очевидное. Ум исследователя тут нужен для того, чтобы заметить это, оценить и зафиксировать в форме теории рассматриваемого типа. Тут определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеточек, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих социальных объектов должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные социальные законы. Последние по самой своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации.

Ко второй категории методов логической социологии относятся методы мысленного эксперимента. Мысленный эксперимент заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают учёные в опытных науках в своих лабораториях. Эти операции суть познавательные: конечной целью их являются знания об объектах, что бы при этом ни

делалось с объектами. Особенность социальных исследований с этой точки зрения состоит в том, что они осуществляются как допущения относительно мыслимых объектов и логические рассуждения. Рассмотрим такой простой пример. Допустим, что некий человек вынужден наниматься на работу с целью заработать на жизнь. Пусть он имеет возможность выбирать из двух мест, которые одинаковы во всём, кроме размера заработной платы. Допустим также, что человек вполне нормален и умеет оценить ситуацию выбора правильно. Какое место работы он выберет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в явном виде сформулировать некоторые фундаментальные утверждения, определяющие человека как социального объекта (социального атома). Среди них – закон экзистенциального эгоизма, согласно которому человек как социальный атом не действует во вред себе, он отдаёт предпочтение тому, что в его интересах. И теперь чисто логически можно сделать вывод, что наш гипотетический человек предпочтёт то место работы из двух, на котором заработная плата выше.

В этом аспекте логическая социология есть гипотетическая теория. Задача исследователя при этом не ограничивается операциями мысленного эксперимента. Он ещё должен изобрести особые правила в дополнение к правилам логики, позволяющие выводить логические следствия из получаемых в мысленном эксперименте знаний (на подобных специфических зависимостях и следствиях основывается любая

самостоятельная наука – они составляют её специфический метод и совокупность обобщений по предмету данной науки). Такие правила могут быть взяты из математики, если подходящий раздел уже создан в ней. Но при всех обстоятельствах эти правила должны быть привнесены извне применительно к характеру знаний.

Наконец, к третьей категории методов логической социологии относятся такие, которые можно объединить под названием «социальная комбинаторика». Суть их заключается в том, чтобы, отталкиваясь от некоторых наблюдений эмпирических фактов, выяснять затем все логически мыслимые «чистые» (абстрактные) варианты тех или иных объектов. Установив эти варианты, мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих объектов только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций. Таким образом, результаты логической социологии имеют априорный и, следовательно, прогностический характер.

Помимо приведённых особенностей, в работе используются такие базовые методы логики, как сравнение, анализ, абстрагирование, синтез и обобщение. А также логические методы определения понятий, построения классификаций, выведения и обобщения.

Мой эксперимент

Стержнем данного исследования стал эксперимент, который я поставил над самим собой. Эксперимент имел своей изначальной целью описание и анализ социальной ситуации в современной российской армии. Параллельно должны были решаться вопросы общесоциальные, и связанные с армией региональные (специфика региона).

Суть эксперимента состояла в том, что я пошёл служить в армию по призыву. Причём от всякой внешней помощи в устройстве отказался наотрез. В результате была сохранена чистота эксперимента, в том числе в части распределения солдат по войскам и частям.

Исследование рождалось в ходе проведения именно эксперимента. Это не образное выражение. Налицо основные признаки именно научного эксперимента: наличие чёткой цели (изучить структуру и отношения в армии), ожидание определённого узкоспециализированного результата (меня интересовало не общество вообще, а именно армия как специфическая его структура), сознательное решение провести именно эксперимент и сознательное задание общего контура его протекания (в армию-то я пошёл целенаправленно, пробыл здесь до конца срока службы, несмотря ни на что, и стремился быть «ближе к народу», проявляя исключительную социальную активность в получении информации). Но

есть в нём и существенные отличия от классической модели лабораторных экспериментов. Во-первых, лабораторный эксперимент обычно нацелен на подтверждение уже вскрытой закономерности, в моём же случае изучение происходило по ходу идущего эксперимента. Во-вторых, лабораторный эксперимент обычно нацелен на выявление маленького нюанса, а не на изучение целого комплекса случайных фактов и создание в ходе него объясняющей их теории. Однако, всё это частные моменты. Если добавить, что речь идёт о сфере социальных явлений, где лабораторный эксперимент в чистом виде затруднён, а объекты эксперимента наделены сознанием, волей и могут даже говорить и иметь своё собственное мнение, удивительно, что вообще удалось провести эксперимент, пусть даже столь обширный, непредсказуемый и слабо контролируемый. Даже изобретатель какого-то важного препарата, ставящий над собой эксперимент по его действительности, в большей степени контролирует процесс. Тем не менее, мы вправе говорить именно об эксперименте.

Специфика исследуемого объекта накладывает отпечаток и на методы получения информации в ходе эксперимента. Это наблюдение, общение (беседы), правильная постановка вопросов и определение адекватного их содержания в ходе беседы, а также действие над моей шкурой со стороны окружающей социальной действительности (людей и событий). Моя задача здесь заключалась в том, чтобы увидеть очевидное – вычленив из социальной реальности закономерные и

судьбоносные элементы.

Информация для анализа взята из жизни того батальона, в котором мне довелось служить, в частях, которым он непосредственно подчинён (вплоть до уровня командования армией); из рассказов (своего рода опросов) других военнослужащих различных частей, даже медицинских учреждений; из документов различных войсковых частей, в том числе отчётных. Поступающая информация обрабатывалась логически, для чего оценивалась с точки зрения логической социологической теории А.А. Зиновьева, с позиций логики и здравого смысла, сравнивалась с другими источниками. Отбор информации, таким образом, носил не случайный характер, – информация тщательно оценивалась и фильтровалась, – что даёт высокую степень её объективности.

Кроме того, в работе я исходил из сформулированной А.А. Зиновьевым аксиомы социологических исследований: самые глубокие истины не спрятаны в глубинных бункерах и сейфах, – они лежат на поверхности общественной жизни, их только надо уметь заметить. Для этого необходима особая ориентация мышления, чуждая идеологической. Исследователь при такой ориентации должен, прежде всего, следовать логике и здравому смыслу, соблюдать требование объективности и беспристрастности, не допускать в мыслительной практике предвосхищения выводов заведомо априорными установками.

Логическая структура работы

В работе почти нет ссылок на книги и монографии, так как большая часть изложенного есть результат моих собственных наблюдений, моего собственного научного эксперимента. Не берусь, конечно, обсуждать степень его научности с точки зрения точных наук. Но он однозначно удовлетворяет основным принципам научного подхода к проблеме: беспристрастности, отсутствию априорности позиции, следованию основам методологии науки, логике. Последний аспект реализован с учётом особенностей исследования социологических проблем – объекты здесь наделены сознанием и волей и затруднён лабораторный эксперимент. Поэтому он заменяется экспериментом мысленным и личными наблюдениями исследователя при попадании в необходимые для понимания сути явления условия – чаще случайного, а не целенаправленного, позволяющего заметить какой-то аспект, о котором даже не помышлял до попадания в соответствующую ситуацию. Когда я шёл служить, то единственное, что имел – это голову на плечах, опыт исследовательской работы и ориентацию мышления на познание истины (особый «поворот мозгов»). Ещё было знание социологической теории и общая картина общества и армии. Но именно общая.

Ссылаться же на работы Александра Александровича Зиновьева в рамках данного труда не имеет смысла, так как

вообще всё исследование основано на его социологической теории. Настоящая работа суть решение частной задачи в рамках данной теории. Причём ориентирована (работа) не только на теорию, но и на сам подход к обществу и науке вообще – с позиций логики и элементарного здравого смысла. Стоило бы, конечно, сослаться на М.Ю. Лермонтова, А. Куприна, современных фантастов А. Злотникова, И. Поля. Но первые давали отдельные факты об армии прошлого, а последние – соображения общего характера, интересные акценты и отдельные мысли. Можно сказать, фантасты вдохновляли на поиск новых подходов.

Ссылку на фантастов никто в современной науке не примет всерьёз. Однако они дали мне для понимания больше, нежели все «научные» монографии об армии вместе взятые. Они позволили мне отшлифовать свои выводы под впечатлением от их фантастических повестей, связанных с армией. Такой же эффект имели и повести А. Куприна. Как ни странно, это одно из немногих объективных свидетельств армии прошлого. Единственным глотком свежего воздуха в области науки для меня стали выводы советских учёных С.А. Белановского и С.Н. Марзеевой относительно природы дедовщины и состояния советской армии 80-х годов XX века, так что я счёл своим долгом передать читателю некоторые их выводы в главе «Роли членов коллектива».

Работа состоит из пяти частей и раздела «Приложение. Основы логической социологии». Содержательно они тес-

нейшим образом связаны. Общая канва определяется движением от абстрактного к конкретному. Во вводной части ставится основной вопрос работы, и определяются базовые методы его решения. В «Приложении...», которое раньше стояло сразу за первой частью, вводятся основные понятия и аксиомы социологической теории. А затем идёт выход на анализ конкретного объекта действительности. В заключении приводится ряд выводов по различным аспектам объекта. При выходе на реальность, во второй части даются сначала определяющие моменты армейской жизни, являющиеся результатом обобщения довольно высокого уровня, на базе которых выводятся уже частные элементы (части третья и четвёртая), являющиеся частично их следствиями, комбинациями, а частично складывающиеся за счёт случайного стечения обстоятельств. Во второй части выделены элементы, определяющие отношения в армии вообще. В третьей же и четвёртой частях показаны уже сами эти отношения во всех аспектах. Эти части сначала были единым целым, однако логика исследования потребовала выделить вопрос социального статуса в отдельную главу (третью). Части третья и четвёртая, таким образом, по отношению ко второй выступают как ещё большее приближение к реальности от абстракции (отвлечённых вопросов). Нечто подобное можно наблюдать при выдвижении нового звена подзорной трубы: он ещё более приближает кусочек реальности, и становятся видны мельчайшие штрихи, которым раньше не придавалось значе-

ния, – они попросту были не видны на удалении. Пятая часть также встраивается в общую систему, но имеет специфику: она фиксирует выход армии на жизнь остального общества, и наоборот. Здесь также собраны некоторые итоговые выводы – опять же выходящие на общество. Плюс рассмотрен вопрос гражданской жизни через призму армии. Так что пятую часть можно рассматривать как ещё большую конкретизацию вопроса армии. Именно так можно представить с точки зрения самой армии выход и действие её вовне.

Глава «Некоторые особенности организации армии Российской Империи» не вписалась в общую канву работы, и её пришлось выделить отдельно. В ней содержатся интересные глубинные особенности не современной российской армии и не армии советской, а армии предшествующего периода нашей истории. Этой главой я не смог удержаться от взгляда на хвалёную армию Российской Империи через призму всех выявленных в книге закономерностей армейской жизни. Ну, а в заключительных, специально выделенных главах («Напутствие идущему служить» и «Послесловие») содержится своего рода крик души автора.

Основную структурную единицу настоящей работы составляют главы, которые с точки зрения стиля и формы представляют собой самостоятельные очерки. Изначально они писались без какой-либо системы. Единственное, что можно заметить в первоначальной их последовательности, – это всё большее углубление в дебри армейской жизни, а

также появление принципиальных обобщений частных явлений. Вторая же глава была написана уже после основной части очерков. После её составления некоторые очерки были отредактированы; несколько очерков добавилось, так как обобщения позволили понять, какие белые пятна имели место в исследовании. Фактически была проведена логическая операция движения сначала от конкретного к абстрактному, а затем получившиеся абстракции были распространены на реальность. Пробелы всплыли при развитии абстракции до реальности – при учёте всё большего числа аспектов, от которых отвлекались в абстракции. Кроме того, пробелы помогло вскрыть комбинирование базовых явлений (часть два) в той или иной ситуации реальности.

Написаны очерки в довольно простой, близкой художественной, форме. При этом в жертву художественности повествования пришлось принести некоторые рациональные усовершенствования конструкции. Они слишком затруднили бы восприятие. Введены также некоторые словесные обороты, делающие повествование более живым. Так, я часто говорю слово «батальон». Логически же более точно было бы употреблять в некоторых случаях слово «часть», а в некоторых – «взвод», «отдельная рота». То есть в одних случаях под батальоном мыслится вся войсковая часть со всеми её структурными компонентами, а в других – отдельное подразделение, относительно небольшое по численности, представляющее собой единый целостный коллектив и размещённое

в одной общей казарме, наглухо не разделённой для разных структурных подразделений.

Часть II. Основы армейской жизни

Приказ

Особенность армии как особой социальной структуры состоит в её задачах. Армия является основным орудием общества в его борьбе за выживание. Армия предназначена для разрешения конфликтов между данным обществом и иными обществами самым простым и примитивным способом – посредством применения силы. Но ещё она затыкает все щели внутри общества, делает для него самую грязную работу, такую как ликвидация последствий стихийных бедствий, крупных аварий. Она используется и в качестве поставщика дешёвой рабочей силы на самых разнообразных жизненно необходимых для общества работах.

Для того чтобы она без малейших протестов несла своё тяжкое бремя, вся её структура построена так, чтобы не допустить этих самых протестов, чтобы она работала как часы по схеме: сказано – сделано. Ключевым механизмом, призванным обеспечить такую работу, является приказ.

Приказ – это требование к нижестоящим в армейской иерархии лицам от вышестоящих выполнить определённую задачу в установленный срок. Главное при оценке выполнения приказа, чтобы задача была выполнена. Допускается и

поощряется выполнение её в более короткий срок, нежели тот, что был установлен. Качество выполнения приказа имеет второстепенное значение. Главное, чтобы он был выполнен на некотором среднем уровне: не обязательно слишком хорошо, но и не слишком плохо. Какими средствами был выполнен приказ, также большого значения не имеет. В тенденции любые средства для его выполнения хороши. Но подобная тенденция реализуется только в судьбоносные для общества периоды жизни, когда на первом месте стоят интересы выживания всего общества. В зрелом же обществе существуют ограничения на применение средств; здесь главное, чтобы интересы всех задействованных в выполнении приказа людей были соблюдены по принципу «ни нашим, ни вашим». В переходные же этапы и в судьбоносные для общества моменты решающее значение имеют интересы целого и интересы группы людей, стоящей в данный момент на вершине власти. Поэтому с исполнителями спрашивают по всей строгости, вплоть до расстрела, соответственно средства изыскиваются, даже если их вроде бы и нет. Однако в любом случае существуют некоторые ограничения чисто практического плана: на выполнение приказа не может быть задействовано средств больше, чем имеется в распоряжении у получившего приказ лица.

Приказ исходит от вышестоящих офицеров нижестоящим подчинённым. Он абсолютно обязателен и имеет приоритет над званиями и социальным статусом. В том смысле, что

имеющий приказ генерала лейтенантик становится в рамках выполнения приказа над всеми чинами ниже генерала. А если приказ принят на самых верхах коллегиально по особо важному вопросу, то армейский социальный статус вообще отходит на второй план. Если же говорить о приказе локального уровня, то он обязателен только для всех непосредственно подчинённых отдавшему приказ. Здесь возможны противоречия (коллизии) приказов одного содержания (одних и тех же приказов), но к разным подчинённым от разных начальников. Возможна ещё более сложная ситуация, когда отдаются противоречащие друг другу приказы. Чётких механизмов разрешения таких коллизий нет.

Для армии приказ является своего рода сердечным импульсом, разгоняющим кровь отношений и действий по жилкам её структуры. Если сравнивать с западной социальной организацией, то приказ близок по значению деньгам на Западе. Он является не просто принуждением, а условием дела. В нашей армии вся система жизни ориентирована на выполнение приказа. Поэтому когда приказ выходит, можно сказать, что дело пошло. Без приказа дело немислимо. А с приказом оно становится неизбежным.

Иерархия

Ключевым элементом социальной организации армии является социальный статус. Это естественно для любой социальной структуры и общества в целом, но в армии достигает настоящего апогея. Имеет значение только официальный статус, хотя, подключается и статус фактический – именно по этой линии идёт формирование дедовщины. Но действует тенденция к абсолютному доминированию официальных элементов, поэтому именно официальный статус является определяющим.

Социальный статус есть положение человека в обществе по отношению к другим людям и ресурсам. Он представляет собой некую ячейку в ткани общества, точку пересечения хитросплетений общественных отношений, характеризующуюся определённым фактическим объёмом функций и возможностей, обязанностью вести себя с другими людьми определённым образом и обязанностью других людей вести себя по отношению к носителю социального статуса определённым образом. Когда человек занимает какую-либо ячейку социального статуса, он в своём поведении должен ей полностью соответствовать. Если по характеру он не был готов к такому поведению, он вынуждается либо обуздывать свой характер, либо ломается, становясь адекватным статусу, либо теряет социальный статус. Но обычно на занятие всякой

ниши идёт строгий отбор, не позволяющий попадать в неё неадекватным ей людям.

В армии социальный статус напрямую зависит от места военнослужащего в армейской иерархии. Иерархия выливается в социальное неравенство, о чём более подробно с учётом армейской специфики будет сказано далее в соответствующей главе.

Социальный статус в армии проявляется во всех отношениях. Обилие и глубина его проявлений буквально режут глаза. Офицер здесь всё, солдат – ничто. Высший офицер – всё, низший офицер – ничто, не имеющее даже права голоса, не говоря уже о деле. Даже если следовать уставу, то иерархия принимает чудовищно жёсткие формы проявления, не говоря уже о неофициальных неуставных отношениях.

Структура армии строится в двух измерениях. В первом армия состоит из подразделений от взвода и роты вплоть до уровня армии и военного округа. Несколько взводов объединяются в роту, несколько рот – в батальон и так далее. Армии же объединяются в единые вооружённые силы единым командованием по военным округам.

Кроме того, существует ещё и второе измерение армейской структуры. Его образует система войсковых частей. Дело в том, что помимо обозначения, скажем, в качестве батальона, некоторые подразделения имеют ещё и обозначение в качестве войсковой части с определённым уникальным номером. Если речь идёт об управлении какой-нибудь армией,

оно имеет свой номер как отдельная войсковая часть. Если о подчинённой армии дивизии, то та также имеет свой номер как отдельная войсковая часть. И так далее, вплоть до полка или батальона, который уже является обычно последним звеном в иерархии частей (такую конечную войсковую часть я буду называть базовой или конечной).

Здесь особенно интересно, что командование, скажем, армией состоит не просто из нескольких разрозненных высших офицеров. Оно состоит из высших офицеров, объединённых в некое организационное целое посредством штаба армии, и именно через штаб командующий армией осуществляет управление подчинёнными подразделениями. Его власть в этом смысле не есть власть единоличная, но есть власть коллективная, распределённая между рядом офицеров в системе штаба армии. Такой конгломерат и объединён в войсковую часть, выступая вовне как самостоятельный юридический субъект. То же самое имеет место и на низших уровнях иерархии, за исключением ситуации в конечной (базовой) войсковой части, которая характеризуется рядом особенностей: во-первых, она занимается командованием не другими войсковыми частями, а сама выполняет поставленные задачи, во-вторых, её штаб очень мал и не образует отдельной войсковой части, являясь лишь элементом самой базовой войсковой части, в-третьих, в ней доминируют солдатские и сержантские должности, тогда как в вышестоящих частях больше офицеров.

Существование системы войсковых частей параллельно системе подразделений фактически преследует три основных цели. Прежде всего, обозначение подразделения как войсковой части представляет собой не что иное, как его кодирование, являясь элементом обеспечения секретности. Когда в Генеральном штабе выходит приказ о том, что такая-то часть должна выдвинуться на такие-то позиции, для внешнего наблюдателя не всегда очевидно, о каком именно подразделении идёт речь. Вторую цель характеризует тот факт, что именно войсковая часть, а не батальон, дивизия или армия, является юридическим лицом с точки зрения права (фактически это означает, что войсковая часть может через своего представителя условно самостоятельно общаться с остальным обществом). Если в первом измерении структуры армии в основу разделения на подразделения положен принцип подчинения, то во втором – принцип некоторой условной самостоятельности. С точки зрения этой цели войсковая часть определяется как официальное для открытого пользования обозначение подразделения, уровня, при котором в нём имеется свой штаб, а значит, может осуществляться официальное общение с другими социальными индивидами в обществе. Наконец, третья цель связана с внутренними чисто бюрократическими потребностями армии. Дело в том, что именно в рамках войсковой части идёт всё дело-производство – ведётся учёт перемещения личного состава, распределяются материальные ресурсы и производятся на-

значения. Все эти действия оформляются приказами командира войсковой части, а не командира, скажем, дивизии. Через систему войсковых частей штабы всех уровней получают возможность принимать участие в командовании нижестоящими подразделениями.

Иерархия социальных статусов находится в непосредственной зависимости от отмеченного разделения армии на подразделения различных уровней. Нужно иметь в виду, что она привязана именно к первому направлению структурирования армии по армиям, дивизиям, батальонам и ротам. Система войсковых частей с социальным статусом связана в минимальной степени: командир войсковой части по должности и званию является, прежде всего, командиром подразделения (например, отдельного батальона) в определённом звании (скажем, подполковника). Командиром войсковой части он является для внешних сношений и для целей бухгалтерии и назначения некоторых категорий подчинённых, оформляемых приказами командира подразделения в качестве командира именно войсковой части.

Внутри подразделений иерархия социальных статусов также строится в двух параллельных направлениях. По первой линии строится иерархия воинских званий, по второй – иерархия должностей. В приведённом выше примере командир подразделения имеет должность командира отдельного батальона, являясь при этом по званию подполковником.

В обывательском представлении армии в ходу именно

иерархия воинских званий. Но в реальной армии иерархия должностей имеет ничуть не меньшее значение. Наличие двух измерений армейской иерархии сильно её усложняет. Казалось бы, очевидно, что прапорщик по званию ниже подполковника. Но бывают ситуации, когда прапорщика назначают на высокую офицерскую должность и он по должности вынуждается на командование подполковниками. Чтобы понять все хитросплетения отношений в армии, необходимо всегда помнить о наличии этой двоякости иерархии.

Остановимся сначала на первом измерении иерархии по системе воинских званий. Статья 46 Федерального закона от 28.03.1998 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» устанавливает следующую иерархию воинских званий.

Составы военнослужащих	Воинские звания	
	войсковые	корабельные
Солдаты, матросы, сержанты, стар- шины	рядовой ефрейтор младший сержант сержант старший сержант старшина	матрос старший матрос старшина 2 статьи старшина 1 статьи главный старшина главный корабельный старшина
Прапорщики и мичманы	прапорщик старший прапорщик	мичман старший мичман
Офицеры: младшие офицеры	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан-лейтенант
старшие офицеры	майор подполковник полковник	капитан 3 ранга капитан 2 ранга капитан 1 ранга
высшие офицеры	генерал-майор генерал-лейтенант генерал-полковник генерал армии	контр-адмирал вице-адмирал адмирал адмирал флота
Маршал Российской Федерации		

Эта абстрактная предельно простая система выливается на практике в сложнейшее хитросплетение армейских статусов. Одно дело прочесть на бумаге последовательность воинских званий, и совсем другое дело – столкнуться с практикой повышения в званиях. К слову сказать, установлены определённые сроки пребывания военнослужащего в каждом звании, по истечению которых он может быть повышен

в звании по выслуге. Также возможно повышение за заслуги без выслуги – досрочное производство в следующее звание. В некоторых случаях помимо выслуги требуется соблюдение дополнительных условий. Так, для перехода военнослужащего из сержантского состава в прапорщики или офицеры, ему требуется пройти обучение в специальной учебной войсковой части. Отдельным условием повышения является назначение на определённую должность, но об этом речь пойдёт ниже.

Обычно повышение офицеров через звание не практикуется, хотя формально оно и не запрещено. Для сержантского состава всё проще, и военнослужащий за время службы может перепрыгивать через сержантские звания, взлетая сразу в старшие сержанты, а ещё через некоторое время лишаться сержантского звания за провинность. Так, мне довелось быть свидетелем, как в одной войсковой части были разжалованы из сержантов почти все замы командиров взводов за дедовщину, но так как кроме них командовать было некому, они продолжали командовать, будучи рядовыми. Иногда в порядке наказания военнослужащему-сержанту присваивается воинское звание ефрейтора, которое считается унижительным. Почему так повелось, не могу сказать, но, полагаю, это связано с тем, что ефрейтора может получить обычный рядовой, даже не имеющий в подчинении взвода, просто за отличие. Он воспринимается окружающими как «голый король», когда вроде бы какой-то статус у него есть, но в чём

он конкретно выражается – не понятно.

Впрочем, для нас не так важно, какова продолжительность пребывания военнослужащего в том или ином звании и при каких формальных условиях он может быть повышен, – эту информацию можно почерпнуть непосредственно из закона. Нас здесь интересует, как именно воинские звания вплетаются в ткань армейских будней, то есть не то, что написано в законе, а то, что существует в реальности. Причём в восприятии обычного солдата, а не именитого учёного или офицера от науки, смотрящего на систему иерархии сверху вниз. И здесь на первое место выходит практическое положение человека, имеющего то или иное воинское звание.

Воинское звание проявляется прежде всего в организации в армии дела, которое обусловлено институтом приказа. В армейской иерархии имеет место следующая цепочка: после выхода приказа свыше, задачу ставит управление части высокого уровня подчинённой войсковой части, и так до конечной части. Затем управление конечной части ставит задачу конкретному офицеру, тот – сержанту или иному лидеру коллектива, а он – уже солдату.

В конечном счёте, солдат оказывается крайним. Его положение тяжелее всего, так как зачастую именно ему приходится не только выполнять задачу, но и изыскивать необходимые для этого средства. И что самое интересное, он их обычно находит – для чего изоощряется, думает, делает.

Солдат вообще является самым низшим звеном армей-

ской иерархии, соответственно, на нём лежит основная (кроме командования) работа. Исключение составляет лишь наиболее квалифицированная работа, которую выполняет офицерский состав. Например, офицеры занимаются научными разработками в области вооружений. При этом разработками занимаются далеко не все офицеры, и далеко не все люди, занятые в сфере военно-промышленного комплекса, являются офицерами. Считается, что офицеры также занимаются разработкой документации в штабах. Реально же практически вся работа, кроме командования, которая делается в частях, делается солдатами-срочниками, реже – контрактниками. Так, в любой войсковой части, даже если это штаб армии и в нём нет никого ниже майора по званию, всё равно существует солдатское подразделение обслуживания и охраны.

Кавказ, например, очень чувствителен к социальному статусу. Здесь никогда не уйдут от некоей клановости, обоготворения семейной иерархии. Такое положение дел имеет выход на отношение к солдату. Местные чувствуют, что солдат в армии занимает самое низкое социальное положение, и интерпретируют это для себя так, будто он занимает и самое низкое положение в обществе вообще. И соответствующим образом к нему относятся.

Кроме солдата, внутри базовой войсковой части армейскую иерархию составляют сержанты, офицеры, прапорщики и контрактники. Наиболее близки солдату сержанты, ко-

которые обычно назначаются из тех же солдат, поэтому могут контролировать подчинённых буквально 24 часа в сутки, живя с ними бок о бок. Они назначаются командованием базовой войсковой части по представлению офицера подразделения. Основные задачи сержантов – заниматься воспитанием молодёжи и непосредственным контролем за выполнением приказов, что называется, уже на месте. Также в их задачу входит ежеминутное поддержание дисциплины в подразделении.

Сержанты бывают двух видов: уставные и неуставные. Неуставные выбираются офицерами из старослужащих или фактических лидеров воинских подразделений-коллективов. Они сами поддерживают дисциплину без участия офицера. Уставные назначаются офицерами из кого угодно, но только не из фактических лидеров. Они держат дисциплину через доносы офицеру и официально дозволенными способами личного воздействия. В этом уставные сержанты являются продолжением официальной иерархии на самом нижнем уровне. Они суть инородные вкрапления в коллектив подразделения. То, какого рода сержанты назначаются, зависит от офицеров и политики командования части.

Офицеры уже с солдатами не живут и являются для солдат чем-то далёким и малодоступным. Лишь во время учений и командировок офицеры приближаются к солдатам и частично берут на себя функции сержантов. Задача офицеров – обучать солдат, контролировать сержантов, обуздывать

коллективы подчинённых подразделений и обеспечивать выполнение ими приказов.

Прапорщики по своему положению стоят где-то на уровне офицеров, но в совершенно иной плоскости. Они занимаются имуществом, либо инструктажем по узкоспециальным направлениям. Прапорщика очень сложно понизить. Они практически неподконтрольны низшему офицерскому звену и подчиняются напрямую высшему офицерскому звену части. Живут они полугражданской жизнью.

Ещё я упоминал о таком элементе официальной иерархии, как контрактники. Конечно, такого воинского звания не существует, но зато существует особый статус контрактников в армейской иерархии, обойти который мы не можем. К слову сказать, аналог современных контрактников в нашей армии существовал с незапамятных времён, и даже в Российской Империи была подобная категория военнослужащих, которые именовались вольноопределяющимися и включали в себя всех, кто пошёл служить в армию вне обязательного призыва¹.

Контрактников можно выделить в особую группу, потому что они, в отличие от солдат и сержантов срочной службы, в гораздо меньшей степени связаны армией и имеют по сравнению с ними ряд привилегий, ставящих их над воинскими коллективами. Обычно они либо командуют солдатами, ли-

¹ см., например, Волков С.В. «Русский офицерский корпус». – М.: Воениздат, 1993

бо выполняют узкоспециализированные работы, требующие некоторой квалификации. Они подчинены офицерам, но с прапорщиками у них обычно устанавливаются тесные отношения, отличные от отношений подчинения. По своему статусу контрактники ближе прапорщикам. Но в частях, полностью комплектуемых на контрактной основе, они суть такие же солдаты и сержанты, как и срочники, а кое-где даже стоят по социальному статусу ниже последнего срочника.

В войсковых частях высшего уровня, нежели базовая войсковая часть, солдат и сержантов минимум. Они присутствуют лишь для охраны штаба подразделения и обслуживания служащих здесь офицеров. Также солдаты могут выполнять и функции делопроизводителей, причём, к работе могут привлекаться как контрактники, так и обычные солдаты срочной службы.

В другом измерении армейская иерархия представлена системой воинских должностей. Воинское звание универсально и является признаком социального статуса само по себе. Воинская же должность представляет собой «приземление», локализацию звания в конкретном подразделении. Скажем, командир батальона – это должность. Однако на неё обычно назначают военнослужащего в определённом звании. Должность представляет собой и конкретизацию прав и обязанностей военнослужащего, масштаба его полномочий, а также количества подчинённых. Звание в армии – это синоним социального статуса в широком смысле, а должность –

конкретной функции, к которой этот статус привязан. Обычно, чтобы получить очередное звание, необходимо попасть на соответствующую должность, которая даёт возможности для повышения в звании. С другой стороны, каждая должность имеет предел для роста на ней в звании, и для дальнейшего продвижения по службе офицеру или сержанту необходимо быть назначенным на другую должность.

Система должностей расписывается для каждого подразделения. Причём как для офицеров, так и для солдат. Чтобы военнослужащий был назначен в конкретное подразделение, ему мало иметь подходящее воинское звание – необходимо ещё наличие вакантной (свободной) должности. Практикуется также зачисление за штат, когда для военнослужащего в данном звании нет вакантной должности. За штат могут выводить как солдат, так и офицеров, причём, последние оказываются за штатом чаще. Обычно это происходит, когда со дня на день ожидается увольнение или перевод выслужившегося офицера, а его сменщик уже прибыл в часть. Солдат массово зачисляют за штат, если предыдущий солдатский состав по какой-то причине не уволен по истечении срока службы, а молодое пополнение уже прибыло.

Нет смысла перечислять уровни должностей. Важно, что система должностей гораздо сложнее системы воинских званий. И отношения в её рамках гораздо более многообразны.

Все эти особенности соотношения воинских званий и воинских должностей унаследованы ещё от армии Российской

Империи, где они складывались добрых два столетия. Длительное время в Российской Империи не было понятия воинской должности даже для офицеров, и их число в конкретном подразделении рассчитывали по определённой пропорции, скажем, по полку (младший офицерский состав) или по армии в целом (высший офицерский состав). В разное время подходы к повышению и назначению были различными. Так, в некоторые исторические периоды офицеров могли повышать вне вакансий, в другие периоды действовал запрет на такое повышение. Случалось, запрещали даже переводить офицеров между подразделениями, что приводило к длительному «застою» в продвижениях по службе из младшего в средний офицерский состав. Выслуга в предыдущем звании для повышения также была введена не сразу. В плане выслуги в Российской Империи была интересная практика присваивать выпускникам военных учебных заведений не просто офицерское звание, а ещё и льготную выслугу в этом звании до повышения. Зато действовало жёсткое правило, унаследованное ещё от Петра Первого, не повышать в звании через чин, тогда как в современной армии подобное юридически не запрещено и практикуется «за заслуги».

Что касается должностей для солдат, то они являются нововведением советской поры, вызванным усложнением военной техники, когда для солдат потребовалась узкая специализация. Солдатские должности в Российской Империи и в первые десятилетия существования СССР воспринимались

бы современниками бессмысленным нонсенсом.

Но вернёмся к практике армейской иерархии. Дисциплина и безусловное следование приказам в армии достигаются постоянным давлением на психику вышестоящими в иерархии лицами на нижестоящих. Даже физическое воздействие имеет конечной целью воздействие на психику. В результате человек в армии живёт в атмосфере постоянного давления сверху, ему буквально вбивают необходимость вести себя так, как надо для интересов армии. Идёт целенаправленная дрессировка. Когда же человек выдрессирован в достаточной мере, методы психологического давления используют для повышения эффективности его работы и просто как необходимое привычное условие выполнения работы.

Однако здесь есть одно исключение из правила. Если речь идёт об общении высшего офицера, скажем, с солдатом, то он обычно смотрит на него не свысока, а с некоторой толикой сочувствия. В его поведении появляется некая покровительственная составляющая. Он при этом может даже отчитать подчинённого офицера за недостаточное внимание к проблемам солдата. Действует следующий небезынтересный закон поведения. Для лиц с воинским званием из состава, стоящего в иерархии хотя бы через один состав от офицера (скажем, высший офицер и младший офицер или сержантский состав), он ведёт себя как отец, а для состава, следующего за его собственным (для высшего офицера это старший офицерский состав), – он волчара, каких свет не видывал,

готовый разорвать за малейшую провинность. Полагаю, дело тут в отсутствии фактора непосредственного подчинения у лиц разных составов, а значит, высшему офицеру просто нет необходимости давить на сильно отстоящее от него в иерархии лицо – в качестве точки приложения давления с его стороны, а также для последующего давления на такое лицо существует непосредственно подчинённый высшему офицеру состав. Думаю, не последнюю роль в таком отношении имеет и прошлый опыт самого высшего офицера, прошедшего через все ступени иерархии и вспоминающего (представляющего) себя на месте этого младшего офицера или сержанта.

Интересно распределение ответственности в иерархии. Если задача не выполнена или выполнена недостаточно хорошо, ответственность несёт вся цепочка, участвующая в её выполнении. Обычно вышестоящие инстанции отделяются относительно небольшим наказанием. А вот нижестоящим попадает по полной. Командование конечной части выполнения задачи могут привлечь к ответственности по всей строгости, вплоть до снятия с должностей и перемещения с повышением в какую-нибудь тупиковую ветвь, откуда уже дальнейший карьерный рост невозможен. Среди офицеров, прапорщиков и контрактников всюду практикуются лишения части заработной платы. Подобный механизм специально предусмотрен в качестве меры ответственности, к которой могут привлекать своих подчинённых командиры частей. Далее попадает уже от данной категории лиц сержан-

там. От них уже ответственность доходит до солдат. Сержантам и солдатам попадает не путём лишения их денег, а вполне ощутимо кулаками и массированным психологическим давлением. Как правило, то и другое совмещается в один сильнодействующий механизм. Довольно жестокий, зато предельно простой и эффективный.

Надо особенно подчеркнуть, что ответственность в армии персонифицирована. Здесь не надо искать виновного, им автоматически становится тот, кому поручено дело. Но из-за наличия иерархии должностей и званий, которая выливается и в иерархию ответственности, персонификация ответственности фактически оказывается сильно расплывлённой. А если к этому добавить, что никто не хочет нести ответственность, стараясь для ухода от неё прикрываться своим социальным положением, то вышестоящие в социальной иерархии получают определённый иммунитет от ответственности, и приходится искать крайних, которыми обычно становятся нижние звенья иерархии. Но так бывает не всегда. В некоторые периоды истории общества, особенно в годину тяжёлых испытаний, войн, кризисов, армейская персонификация ответственности начинает работать в полную силу: иммунитет социального статуса спадает, и эффективность армии оказывается вне конкуренции. Ответственность начинает нести тот, кому первому поручено исполнение, вне зависимости от его статуса в армейской иерархии. Начинают лететь генеральские и полковничьи звёзды, начинают сыпаться головы, и

высшие офицеры начинают прикладывать невероятные усилия, чтобы всё было выполнено в срок и как надо. Для этого они не гнушаются даже поощрением инициативы и выдвижением по-настоящему одарённых людей. Эта потенциальная упрощённость поиска виновного оказывается незамеченным инструментом поддержания эффективности армии, неотвратимости и отточенности этого универсального оружия общества.

Особенности структуры армии

Армию от других социальных структур, в том числе и государственных, отличает тенденция к абсолютной вертикали подчинения. Это проявляется в особом статусе лиц в официальной иерархии (офицерство) и в их исключительных полномочиях по отношению к подчинённым, вплоть до решения вопроса их жизни или смерти. Следствием этого оказывается волюнтаризм решений, в результате чего задачу выполняют постоянно разные по количеству и составу группы бойцов. Здесь надо иметь в виду, что речь идёт о тенденции. В реальности ей противодействует множество социальных законов и множество конкретных обстоятельств, сил и традиций. Но тенденция эта приводит к жизни жесточайшую иерархию, пусть крайности её и ограничены разнообразными обстоятельствами. Однако, эти обстоятельства не отменяют самой иерархии, влияя лишь на её конкретноисторическую форму проявления, глубину и масштабы.

Данную тенденцию также выражает особый статус приказа. Во все времена приказ для армии свят, его следует выполнять даже ценой жизни. А за его невыполнение предусмотрена ни много, ни мало правовая уголовная ответственность. Однако особенности его статуса и последствия невыполнения различаются в разные времена и в различных обществах. Собственно, вопрос особенностей статуса приказа

зависит от тех же факторов, что и официальная иерархия.

В социальной реальности указанная тенденция приводит к аморфности и непостоянству деловых клеточек армейской социальной ткани. Очевидно, что привлечение для решения поставленных задач различных по числу и составу групп бойцов не способствует образованию устойчивых деловых ячеек. С точки зрения организации дела, армия действует как единая большая клеточка. Ключевой в поддержании подобного порядка и в его эффективности является порождённая особым статусом приказа и официальной иерархии уникальная в масштабах общества армейская дисциплина. Именно благодаря ей армия оказывается в состоянии успешно справляться с самыми сложными и невыполнимыми для иных социальных структур задачами. Армия при этом напоминает гидру с множеством голов и рук, причём, отрубленные, они тут же отрастают вновь.

Единственные структуры, близкие клеточкам в армейской социальной ткани представлены штабами войсковых частей всех уровней и низшими (базовыми) войсковыми частями. Напомню, о чём именно идёт речь. Каждое армейское подразделение, начиная с отдельного батальона, полка или дивизиона, помимо собственно названия (например, отдельный инженерно-сапёрный батальон такой-то дивизии такой-то армии) именуется войсковой частью с присвоением особого номера (например, войсковая часть 33 333). Соответственно, если наш отдельный инженерно-сапёрный ба-

тальон входит в дивизию, то и он, и дивизия, в которую он входит, получают номер как особые войсковые части. Делается это для структурного удобства и из соображений секретности. Ведь инертное название «войсковая часть 33 333» ничего не скажет о характере обозначенного им подразделения. Тем более что именно это обозначение используется для внешних сношений подразделения, а сама войсковая часть имеет статус юридического лица.

Собственно, такая войсковая часть, а не отдельный солдат, получает приказ сверху. А каких именно солдат и офицеров она выделит, зависит уже исключительно от её командования. То же самое можно сказать и о штабах более высокого уровня иерархии, когда те получают приказы, только они решают уже, какая именно войсковая часть будет выполнять приказ. При этом мы не можем рассматривать роту или взвод в качестве деловой ячейки, так как неизвестно, кто именно будет реализовывать на практике приказ, и в каком количественном составе. А группа людей, состав и структура которой постоянно меняется, не может расцениваться как деловая ячейка. Постоянно же деловые функции выполняет только мельчайшая войсковая часть как органическое целое и вышестоящие войсковые части в лице их штабов. Вообще, тенденция к абсолютной вертикали подчинения без выделения особых клеточек порождает аморфность даже таких образовавшихся клеточек, и всё же их структура достаточно устойчива, чтобы считаться клеточкой. Таким образом, ар-

мейскими клеточками оказываются только структурные элементы, имеющие штаб. Но они при этом имеют одну особенность: доминирование жесточайшей армейской дисциплины, которая одновременно делает структуру клеточки размытой, изменчивой и в то же время способствует её кристаллизации через внедрение жесточайшей трудовой дисциплины. Получается коммунальная клеточка по жёсткости и дисциплине организации дела, не уступающая самым эффективным западным деловым клеточкам. Тем самым возведённые в абсолют коммунальные элементы организации армии порождают к жизни фактически деловые клеточки. В этом явлении можно наблюдать целую плеяду законов диалектики: тут и закон единства и борьбы противоположностей, и переход количественных изменений в качественные, меняющиеся местами причины и следствия. И в основе всего этого лежит уникальная армейская дисциплина.

Помимо деловых клеточек, в армии существует тенденция к образованию коммунальных клеточек типа коллектива. Тенденция эта существует вследствие того, что бойцы мельчайших подразделений внутри базовой войсковой части длительное время проживают, общаются и даже обучаются совместно. Если коллективы внутри базовой войсковой части всё же образуются, они, тем не менее, не могут рассматриваться как структурный компонент (ячейка) армии вообще в силу своего временного характера. Коллективы не могут быть признаны ячейкой армии ещё и потому, что не явля-

ются официально признанными элементами структуры армии. Обязательное же требование к статусу ячейки состоит именно в таком официальном её признании обществом. И дело тут не только в определении понятий. Кроме того, в нормальной армии с образованием коллективов идёт жесточайшая борьба, для которой все средства хороши (вплоть до расформирования подразделения). Если даже коллектив образовался, деловой направленности он не несёт, да и деятельности его в своём интересе официальное командование не допустит. Максимум, его используют для удобства командования непосредственные командиры. И всё же с коллективами приходится считаться, как с неизбежной социальной реальностью.

Коллектив

Когда люди довольно длительное время живут совместно, решая совместно какие-то общие задачи, они образуют коллектив. Обычно люди вынуждаются к совместной жизни обстоятельствами окружающей действительности, не обязательно социальной. Это могут быть интересы выживания, сознание того, что вместе они смогут обеспечить более высокий уровень жизни, или их просто кто-то заставляет жить вместе.

Чтобы образовался коллектив, людям требуется некоторое время пожить совместной жизнью, либо заняться решением общих задач. Но главное всё же – совместная жизнь, а не решение задач. Потому что люди могут решать какие-то задачи, не образуя коллектива. Кроме того, коллектив предполагает, что составляющие его люди не просто живут и решают задачи, но ещё и общаются помимо решения задач. Коллектив имеет тенденцию отнимать у человека всё его время, чтобы человек не просто приходил сюда работать, а жил здесь общением с другими членами коллектива. Иначе получится не коллектив, а деловая ячейка, где человеческие отношения проявляются в минимальной степени.

Основу поведения и отношений в коллективе образуют именно человеческие отношения, сопряжённые с проявлением человеческих чувств. В коллективе всю разворачи-

вается особая группа социальных законов, именуемых законами коммуналности. Их содержание продиктовано тем, что люди вынуждены более-менее долго жить совместно. Существует ещё группа законов, организующих выполнение деловой функции группы людей. Например, если люди более-менее длительное время живут совместной жизнью, в группе выделяется лидер, или группа лидеров, или вообще особая группа людей, задача которых состоит в управлении группой, – это суть закон коммуналного аспекта. А закон: управляющий орган группы по своим интеллектуальным качествам и квалификации членов должен соответствовать стоящей перед группой функциональной задаче, является законом организации делового аспекта деятельности группы.

Попавшие в коллектив люди вынуждены считаться с интересами других членов коллектива. Каждый в коллективе следит, чтобы никто в нём не выделялся боше, чем он сам. Люди постоянно наблюдают друг за другом. А, учитывая, что здесь человек всегда на виду, скрыть что-либо от других чрезвычайно сложно, даже если другие и не будут предпринимать особых усилий, чтобы это что-то узнать. Нарушение же баланса интересов ведёт к наказанию от остального коллектива. В коллективе всегда выделяется лидер, обладающий особыми личными качествами, делающими его адекватным роли лидера. Его коллектив уполномочивает следить за соблюдением баланса интересов. Для этого, правда, ему даётся ряд

привилегий и иммунитетов, в том числе для него устанавливается особая мера интересов, выше меры прочих членов коллектива. Но с этим никто не спорит, так как это суть мера вынужденная, дабы упростить контроль за членами коллектива и определить человека, ответственного за соблюдение баланса интересов. Лидер является не простой игрушкой коллектива. Он быстро понимает выгоды своего положения и начинает использовать коллектив в своих интересах, что дозволено лишь до определённой меры, и обычно лидер быстро усваивает эту меру. Когда контроль за соблюдением баланса персонифицирован, член коллектива не один раз подумает, прежде чем решится переступить черту. Переступивших же поддерживаемый коллективом лидер быстро ставит на место. Лидер же поддерживает меру, так как считает, что только он вправе превышать меру, остальные же суть его конкуренты, а с конкурентами разговор короткий. Лидер зачастую и не осознаёт, что он является лишь орудием коллектива, более того, он зачастую считает, что коллектив – его собственная вотчина.

Коллектив не есть нечто абсолютно положительное. Он вообще не оценивается в критериях морали и нравственности, будучи чем-то естественным для скоплений людей. В нём реализованы как положительные, так и отрицательные качества людей и явления в совместной жизни людей. Он обеспечивает соблюдение интересов составляющих его людей на некотором уровне, но при этом в нём возникает нера-

венство в распределении благ, как минимум через образование института лидера. Коллектив также подразумевает тотальный надзор и контроль всех членов коллектива над всеми. Он даёт защиту от всех внешних коллективу явлений, через лидера коллектив защищается от внутреннего произвола, но при этом прикрепляет людей к себе. Коллектив вынуждает всех людей в своих рамках быть на среднем уровне удовлетворения потребностей и лишает их самих личностной индивидуальности. Человек здесь не может выделиться не только мерой вознаграждения, но и своими личными качествами; если это всё же случается, ему стараются подрезать крылышки. Относительное равенство в распределении благ приводит к уравниванию творческих и деловых способностей. Подобное сочетание позитивных явлений с негативными можно увидеть во многих других отношениях. По сути, они имеют общие основания в коллективной жизни и являются оборотными сторонами одной и той же медали.

Таков базовый армейский коллектив, если отвлечься от всяких инородных ему вкраплений, таких как начальство (офицеры), местные, имеющие поддержку извне, блатные, поддерживаемые либо начальством, либо местными или личными связями за территорией части. Базовый армейский коллектив образуется в подразделении. Среди офицеров низшего звена образуется свой коллектив более высокого уровня иерархии, но отнюдь не иной по содержанию, и так вплоть до самых верхов. Даже командир части входит в кол-

лектив, только стоящий над частью. С повышением в иерархии человек переходит в новый, более высокий по уровню коллектив. Таким образом, между коллективами существует своя иерархия, как в уровне благ, так и в уровне иерархической подчинённости.

Но коллектив в армии является лишь одним из элементов организации. Его здесь стараются скорее использовать для решения неких более высоких задач и поощряют только как средство такого решения. Задачи эти суть требования приказов, соблюдение иерархии с уважением вышестоящих и безоговорочным подчинением им, а также дисциплина. Это инородные вкрапления в нормальную жизнь коллективов, но именно такие вкрапления являются в армии главными, определяющими существование воинских коллективов факторами. Коллектив образуется здесь как побочный эффект решения определённой задачи в рамках вооружённых сил. Поэтому правила уставов, приказов, официальной иерархии абсолютно доминируют над коллективными, полностью их подчиняя.

Всем армейским коллективам, если отвлечься от «инородных» вкраплений, свойственны все описанные выше базовые черты коллектива. Но самым типичным и максимально очищенным от внешних вкраплений является именно базовый солдатский коллектив. В нём легче всего проследить все особенности именно коллективов, а также особенности коллективов армейских. А ещё только здесь возможно созда-

ние монолитных коллективов, которые в максимальной степени организуются именно по законам коммунальности без внешних примесей, не дающих этим законам развернуться в полную силу.

Когда человек только попадает в армию, он сразу оказывается членом коллектива таких же, как он сам, призывников, где его обучают азам армейской коллективной жизни и правилам, доминирующим над коллективом. Затем он попадает в уже сложившийся коллектив в каком-нибудь подразделении, либо на уровне отдельного взвода, либо роты. Коллектив может сложиться также на базе нескольких рот или отдельных взводов, если они проживают в одном расположении или в одной палатке.

Когда молодёжь попадает в коллективы, её здесь начинают приучать к имеющим место правилам поведения в данном коллективе. Правила зависят от степени автономности коллектива и независимости его от офицеров и боевых задач. Параллельно их могут воспитывать в духе основных армейских правил (подчинение приказам, иерархия, дисциплина), но этим занимаются уже лидеры официальные – офицеры и сержанты.

Важнейшим свойством коллектива при этом является его глубочайший консерватизм. Коллектив не приемлет никаких изменений в своём составе, в отношениях – вообще в любых вопросах. Отношения в нём являются самодовлеющими и неизменными от призыва к призыву. Однако новые

молодые могут привносить с собой что-то своё, особенно, когда уходят старики. И это новое может стать фатальным для сложившихся отношений. Так, становятся фатальными для человеческих взаимоотношений привнесённые бывшими уголовниками блатные правила (когда тех призывают в армию в массовом порядке или дают выбор: сидеть или служить). Так в армию проникло моральное разложение из остального общества в 90-х. Но всё это не отменяет консерватизма коллективов, и даже к новым людям коллектив враждебен до тех пор, покуда они не примут его правила поведения.

Интересно, как инородные вкрапления проявляются на структуре базовых коллективов. Прежде всего, над коллективом стоит официальный лидер – офицер. Он является основным проводником в решении специфически армейских задач, т.е. проводником реализации приказов и соблюдения уставов. Он для облегчения управления подразделением выбирает в нём ответственных за подразделение солдат, которым присваиваются сержантские звания. Обычно сержантами становятся фактические лидеры. Став сержантами, они получают некоторый иммунитет от коллектива. Командиры также могут выбирать отдельных бойцов, которые обладают какими-то особенно ценными для выполнения стоящих перед подразделением задач качествами и навыками. Так, выбирают писарей для оформления документации подразделения, выбирают каптёрщиков для содержания имущества

подразделения (оно хранится в так называемой каптёрке или кладовой комнате). Некоторые солдаты, благодаря своим навыкам и деловым качествам, могут даже попасть в более высокий по иерархии коллектив офицеров – в штаб. Тогда они становятся в большей мере членами именно младшего офицерского коллектива, хотя и занимают фактически некое промежуточное, подвешенное положение между коллективом своего подразделения (официально) и младшего офицерского коллектива (фактически). Такие бойцы наделяются иммунитетом от коллективов, членами которых являются. Чтобы поддерживать порядок в коллективе и обеспечивать иммунитет некоторым бойцам, офицер делает ответственным за все сбои в работе подразделения сержанта и, соответственно, наказывает его; тот же, в свою очередь, вынуждается наказывать подчинённых. Практически здесь фактический лидер подразделения вынуждается на действия, не являющиеся необходимыми для коллектива, если рассматривать таковой изолированно. В данном разрезе особенно отчётливо видно, как коллективные отношения используются для целей вооружённых сил, для дела в каком-то смысле. Но уместней будет сказать не для дела, а для выполнения приказов и установлений армейских уставов.

Сержантом может назначаться и не фактический лидер. В этом случае он не имеет такой власти над коллективом, как лидер фактический. Вернее, он имеет власть, но она придана ему не самим коллективом добровольно, а дана по линии

официальной иерархии. Такой сержант является официальным лидером, поэтому его власть опирается на официальные институты, чуждые природе коллектива, такие как донос офицеру, прокачки и выматывающие приёмы. В результате доноса офицер может применить те же приёмы, либо посадить провинившегося на гауптвахту (последнее производится через донос уже командиру части). Уставного сержанта коллектив не только не признаёт за лидера, но ещё и презирует и ненавидит. Ещё бы! Его же навязали силой! А сам сержант готов в лепёшку расшибиться, лишь бы его не разжаловали, что автоматически отдаст его на растерзание коллектива. Такое широкое разрастание официальной иерархии с глубоким проникновением в коллектив позволяет очень эффективно ограничивать коммунальную стихию, делает коллектив более аморфным, не даёт формироваться дедовщине. Его роль в условиях того, что далее будет сказано о дедовщине, исключительно велика, – такой подход к назначению и использованию сержантов только и может её обуздать.

В базовом армейском коллективе существует не только иерархия, но и такое явление, как старшие и более опытные бойцы – это те, кто уже отслужил некоторое весьма продолжительное по армейским меркам время (деды и черпаки). В любом коллективе испокон века более опытный член коллектива уважался. Иногда уважались прожившие жизнь старики, которые даже могли уполномочиваться коллективом на принятие судьбоносных решений. Подобное явление сложи-

лось и в вооружённых силах, причём, вполне естественным путём, согласно всё тем же социальным законам совместной жизни многих людей.

Старшие в воинском коллективе являются носителями всех его традиций и правил поведения; на них же лежит задача по воспитанию молодёжи в духе этих правил. Одновременно они занимают в коллективе привилегированное положение. Все вместе они образуют как бы коллектив второго уровня, стоящий над коллективом молодых. Этот надколлектив полностью подчиняет себе нижестоящий коллектив. Последний становится для первого поставщиком всех благ, живёт ради удовлетворения интересов членов первого. На нём лежит не только задача выполнять армейскую функцию коллектива, но ещё и обслуживать надколлектив, который сам по себе является глубоко паразитическим социальным существом. Надколлектив становится элементом социальной иерархии коллектива, занимая её высшие ступени. Но старшие пользуются уважением, и им не могут сказать ни слова против: на их стороне некий высший авторитет, фактический лидер и зачастую лидер официальный. Строго же говоря, их порождают внутриколлективные правила поведения и социальные законы коммунальности. Они, таким образом, вырастают из недр коллектива.

Для молодых старшие являются ещё и символом: глядя на них, молодые думают, что можно сейчас и потрудиться за десятерых, зато потом жить припеваючи.

Как видим, дедовщина имеет вполне реальные глубинные корни в воинском коллективе. Старшие обеспечивают защиту коллективу, символизируют коллектив, поддерживают монолитность коллектива и порядок в нём, а также отвечают за его воспроизводство. Но есть одно свойство, противопоставляющее дедовщину офицерству и командованию вообще. Деда выражают тенденцию коллектива к абсолютно доминированию законов коммунальности и изъятию из коллектива всего чужеродного – коллектив стремится жить только ради себя самого. Даже если ради этого придётся выделить нескольких человек, которые будут жить как короли, а все остальные при этом станут на время их рабами. Зато вскоре рабы тоже превратятся в королей. Старшие в данном отношении выступают своеобразной ударной силой коллектива по армейскому укладу – уставному порядку, иерархии, даже частично приказам. И как только хватка офицерского состава становится слабей, они наносят решающий удар, что порождает в части настоящий беспредел с точки зрения высшего командования. Дедовщина разворачивается во всей своей красе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.